

Г. А. Аскарьян

ЭСКИЗЫ ВОСПОМИНАНИЙ*

С В. И. Векслером я встречался с 1953 г. сначала часто — два-три раза в неделю, потом реже — раз в неделю и под конец раз в месяц — ввиду его нарастающей нагрузки, связанной с директорством в Дубне и должностью академика-секретаря.

В первые годы знакомства я был начинающим аспирантом, он — ученым с мировым именем, и нас связывало лишь участие в разработке радиационного метода ускорения, который казался ему тогда необычайно перспективным.

Меня прежде всего ошеломили его непрерывно изобретающий, непрерывно атакующий ум и простота обращения с людьми, которых он знал или о которых он успел расспросить у своих знакомых. Он старался обходить, не вглядываться в плохих людей и не бороться с ними.

При обсуждении проблемы его не только интересовали мнение сотрудников, ход рассуждений, но он часто принуждал, провоцировал к «фехтованию», что позволяло оценить новую идею в крайне короткий срок.

Его изобретательство многим казалось «узкополосным» — он изобретал практически только в области ускорительной физики и техники, но это было следствием не узости кругозора, а колоссального значения ускорителей для развития ядерной физики того времени.

Человеческие слабости, как мне казалось, не были чужды ему — любил хорошо одеваться, любил кино, был очень осторожен в поступках и высказываниях (осторожность была данью времени и отголоском привычки прошлого) и старался вести себя так, чтобы «ничего такого не случилось». Боялся, что его большое дело пострадает из-за мелких неосторожностей, которыми могут воспользоваться его враги, недоброжелатели, которых у него, как у любой талантливой личности, было немало.

Иногда относился к людям предвзято, формируя мнение на малом числе фактов, но под напором новых сведений мог изменить мнение на противоположное и всем сказать об этом.

Так было, например, с выдающимся физиком Г. И. Будкером, которого он долгое время считал «фантазером» (в устах В. И. это понятие

*Воспоминания о В. И. Векслере. М., 1987. С. 179–184.

для нас имело смысл не только слишком оторванного от практики человека, а скорее беспочвенного мечтателя). Однако после того, как В. И. в составе делегации президиума АН СССР посетил новосибирский институт, созданный Будкером, его мнение о Будкере переменялось столь резко, что казалась крайне несправедливой многолетняя ирония. «Я был несправедлив к нему», — публично заявил В. И. о Будкере и с этого момента говорил о нем только хорошо.

Как многие, он видел и ругал в других в первую очередь собственные недостатки, но достоинства (и тем более достоинство) старался не принизить, даже если человек был ему несимпатичен.

Мои беседы с В. И. Векслером касались трех вопросов: что нового в литературе; что нового по радиационному методу; беседы по физике и на близкие темы по дороге домой (часто он подвозил меня на своей машине поближе к дому).

Первые годы он относился ко мне с большой иронией, которая могла принимать различную окраску. Он находился под впечатлением (точнее, омерзением) от одного из моих первых изобретений, сделанных в начале 50-х годов под влиянием моей тетки — патанатома, — радиационного метода бальзамирования умерших. Его каноническая фраза: «Гурген, чем трупы консервировать, лучше бы Вы...» — и далее следовало конкретное задание.

Этому отношению весьма помог Б. М. Болотовский, который назвал этот метод «гургенизацией» и начал составлять список сотрудников, желающих подвергнуться гургенизации после смерти. Когда многие обращались ко мне с вопросом, правда ли это, я им солидно говорил, что в списки включают только великих людей, а к ним это не относится.

Первый перелом отношения произошел сразу после того, как М. Л. Левин показал неустойчивость сгустков плотной плазмы в поле основных типов радиоволн. Спасая положение (без устойчивости на оси нельзя было говорить об ускорении), я показал, что устойчивостью можно управлять, используя резонансные плазменные свойства, и при определенных условиях обеспечить устойчивость. Это понравилось В. И. Векслеру, и после этого упоминания о трупах стали значительно реже. Последнее упоминание было в 1964 г., когда В. И. Векслер ворвался к нам со свежим номером «Phys. Rev. Lett.» со статьей Таунса и сотрудников о самофокусировке: «Вот Вы трупы консервируете, а тут Таунс открыл поразительный эффект самофокусировки...» Поскольку в тот момент я как раз обсуждал с М. С. Рабиновичем этот вопрос, мне оставалось только протянуть В. И. оттиск моей статьи по самофокусировке, уже давно (в 1962 г.) напечатанной в ЖЭТФ.

После этого отношение В. И. Векслера ко мне резко переменялось в лучшую сторону.

Среди случаев и разговоров мне особенно помнятся следующие.

ОТЕЦ В. И. ВЕКслЕРА

В. И. часто говорил, что «воспитывался в детском доме», «не помнит отца» и т. п.

Совершенно случайно, находясь в компании художников старого поколения (из круга Р. Р. Фалька), я узнал, что у выдающегося советского художника Д. П. Штеренберга есть сын — талантливый физик-ускорительщик и у него другая фамилия и даже другое отчество, что связано с ссорой и разрывом отношений матери с Д. П. Позже я узнал, что это Векслер и у него есть родная сестра Виолетта Давыдовна, жена художника Алфеевского, прекрасного иллюстратора сказок Андерсена (сказки с его иллюстрациями я знал и любил давно).

Д. П. Штеренберг играл ведущую роль в Обществе станковистов (ОСТ), в которое входили Дейнека, Лучишкин, Лабас и другие художники, чье творчество необычайно ярко проявилось в первые десятилетия после революции. Последующие тяжелые годы с обвинениями в формализме, прекращением выставок были приняты Д. П. Штеренбергом стойчески, мужественно. Он не изменил себе как художник, не стал приспособляться. И многие его соратники, потратив многие годы на оформление псевдохудожественных панно и псевдоблагополучных картин и потеряв правду в искусстве, придя на большую персональную выставку, организованную после смерти Д. П. Штеренберга (на этой выставке было несколько картин с надписью «Из собр. Е. В. Сидоровой» — дочери В. И.), говорили с тоской: «Он оказался прав», видя величие и цельность его творчества. Сейчас его картины «Аниська», «Натюрморт» и «Прошное» выставлены в постоянной экспозиции Третьяковской галереи. Но это было потом. А в 50-е годы Штеренберг был еще формалистом.

О родстве со Штеренбергом В. И. рассказал мне только под нажимом. Как-то зашел разговор о живописи. В. И. спросил, какие художники мне нравятся. «Из современных зарубежных — Модильяни, а из отечественных — Штеренберг», — ответил я. «Если бы я был его сыном, я бы гордился таким отцом и не стал бы скрывать родства...» — сказал я дерзко, с вызовом, и мне самому стало неудобно. Воцарилась долгая пауза. В. И. потупился и долго протирал стекла очков, а потом сказал: «Это мой отец. Я его очень любил. Он меня брал с собой в поездки. Я с ним был за границей, в Германии. Там он написал мой портрет,

который купил какой-то немецкий фабрикант. Этот портрет сейчас где-то в ФРГ...»

Я чувствовал, что этот разговор тяжел для В. И., неприятен ему, и больше никогда не возвращался к этой теме.

В. И. ВЕКСЛЕР И ПАССАЖИР

Помню, один раз не было машины, и В. И. со мной поехал на трамвае. Мы стояли на задней площадке и обсуждали принципы возможных ускорителей. На одной из остановок старик крестьянин с мешком прокричал: «Идет ли трамвай до рынка?» В. И. ответил, что идет. Старик с трудом взобрался в трамвай и сел на свой мешок рядом с нами. Потом наклонил голову, раскрыл рот и с изумлением слушал В. И., из которого сыпались непонятные для крестьянина слова «микротрон», «синхроциклотрон», «фазовая неустойчивость».

Этот набор слов нового мира, дорогой модный костюм и позолоченная оправа очков, видимо, вызвали у крестьянина ощущения чего-то непознаваемого, недостижимого. Так прошло минут 20, и вдруг В. И. прервал разговор и обратился к крестьянину: «Вам после этой на следующей сходить». Реакция была неожиданно восторженно-религиозно-почитаемая: «Господи, он все о своем, о своем, а о моем не забыл, вот благодетель», — запричитал старик, сняв картуз и склоняясь к руке В. И.

Трамвай в тот момент остановился, а В. И., пролепетав: «Ой, как неудобно», — выскочил из трамвая, я за ним. «Переждем и поедем дальше на следующем, — сказал В. И. — Как неудобно получилось». Но, как говорят историки, важно быть понятым народом.

ПУГОВИЦА

Мозг В. И. непрерывно работал и искал новые варианты ускорения. И он не понимал и не мог понять равнодушие или флегматичность ученого.

Помню, один раз В. И. влетел как метеор с новой идеей в нашу комнату, где сидел Игорь Д. и иглой с очень длинной ниткой пришивал пуговицу к пальто. Я вошел в комнату за В. И. Не успев перестроиться, В. И. с ходу спросил: «Что нового?» «Что может быть нового», — невозмутимо сказал Игорь, вытягивая руку с иглой на всю длину нитки. Чтобы не сорваться в злости и не обругать его, В. И. вылетел со мной в коридор и, опомнившись, сказал в сердцах: «Ну и нервы у этого молодого человека, тоже мне ученый, сидит на работе и пуговицу пришива-

ет...» И убежал к М. С. Рабиновичу поделиться идеей. Я снова вошел в комнату.

«Что это В. И. так быстро выскочил, обиделся на что-нибудь?» — спросил Игорь.

Я ответил: «Конечно, обиделся. Неужели ты не заметил, что у него тоже пуговица на пиджаке болтается, вот-вот оторвется. Ты, что, не мог заметить? Он вертелся и так и этак», — пошутил я.

«Гм, гм, сплеховал маленько», — сказал Игорь, откусывая нитку.

Через 10 минут в комнату снова влетел В. И., желая что-то сказать мне, открыл рот, но его опередил Игорь Д. «Владимир Иосифович! Давайте я и Вам пуговицу пришью», — обратился он к окаменевшему В. И. Не стоит пересказывать реакцию В. И. из-за ее яростной и образной патетики.

После этого инцидента мне пришлось долгое время убеждать В. И., что Игорь Д. — один из самых талантливых сотрудников, обладает ясным физическим мышлением и имеет золотые руки. Но все было напрасно, пока сам В. И. не убедился в этом.

В. И. И РОЗЫГРЫШ

Детская наивность В. И. часто удивляла нас. Помню, 1 апреля решили мы разыграть В. Н. Цытовича, который много работал с В. И., и в частности опубликовал с ним статью об ускорении электронных колец. Мы напечатали на машинке с латинским шрифтом письмо В. Н. Цытовичу из Англии, в котором говорилось: «Дорогой д-р Цытович, с большим интересом прочли мы недавно Вашу статью по ускорению колец, выводы которой совпали с результатами наших расчетов. В настоящее время у нас создана установка по ускорению колец, и мы будем рады сообщить Вам первые результаты экспериментов». К письму был прикреплен один из конвертов предыдущего письма на имя Цытовича. (Для большей убедительности мы сделали письмо вскрытым.) Совершенно случайно в комнату вошел В. И., и его взгляд упал на письмо на столе Цытовича. Пробежав его по диагонали, он пришел в ярость: «Пока Вы тут копаетесь, там люди дело делают, — закричал он. — Работнички!!!» Взял письмо и быстро вышел из комнаты.

Чувствуя, что может произойти непоправимое, я выскочил за ним, догнал у лестницы и сказал, что мне нужно поговорить с ним. «Сейчас мне некогда, — сухо сказал В. И. — Я еду в Главатом».

Испугавшись, что В. И. может из-за нашего розыгрыша поднять бучу в Главатоме, я ухватил В. И. за рукав и начал на ходу бормотать о розыгрыше. «Мне некогда заниматься Вашими шутками, — сказал В. И. — Дело серьезное, и они могут нас обогнать». «Да письмо я сам

сделал», — чуть не плача закричал я. В. И. остановился, задумался и сказал: «Ну, это не меняет дела. Нужно сделать все, чтобы ускорить дело. Я все же поеду в Главатом». Сыграло ли роль письмо, я не знаю, но темп наших работ по ускорителям колец был резко увеличен именно с того момента.

Время стирает многое из памяти, но остаются проявления духа и характера, человеческие черты творца, имя которого навсегда вошло в историю физики.